

К. В. ХВОСТОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛИ И ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ В ВИЗАНТИИ XIV—XV вв.

Новейшие исследования, посвященные византийской торговле XIV—XV вв., рассматривают ее в тесной связи с функционированием международного рынка в Средиземноморье¹. Неоднократно отмечалась роль Константинополя как крупного центра экспорта и импорта, равно как и транзитной посреднической торговли². В данной статье делается попытка на основе сравнительно немногочисленных сведений источников выявить некоторые особенности внутренней торговли Византии в рассматриваемый период. Точнее, ставится задача наметить характер ее взаимосвязей с экономикой страны, с ее производством, а также выявить конкретные формы зависимости внутриторговых операций от внешней торговли и изучить отношение к торговле, как внутренней, так и внешней, разных социальных слоев населения. На наш взгляд, именно выяснение связей торговли с производством позволит оценить ее роль в рассматриваемую эпоху.

Характеристика социально-экономического положения Византии XIV—XV вв. обычно начинается с констатации многих черт экономического и финансового кризиса, охватившего империю в этот период и развивавшегося ускоренными темпами. В качестве симптомов кризиса называют упадок провинциальных городов, обесценивание монеты, интенсивную миграцию населения, увеличение размеров необрабатываемых земель³. Все это, естественно, способствовало сужению размаха торговой деятельности, и прежде всего внутренней. Нашествия османов приводили к постоянному разорению городов, к прекращению торговли. Именно в этом видели причину экономического спада современники⁴. О нем и

¹ *Laiou-Thomadakis A. E. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System, Thirteenth — Fifteenth Centuries // DOP. 1980/1981. Vol. 34/35. См. также рец. С. П. Карпова на данную работу (ВВ. 1984. 45. С. 249—251); Бурн И. Сумрак Византије. Београд, 1984.*

² *Бурн И. Указ. соч. С. 405.*

³ *Zakythinos D. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes, 1948; Bértélé T. L'iperpero bizantino dal 1261 al 1453 // Rivista italiana di numismatica e scienze affini. 1957. Vol. 5. 59; Brătianu G. I. Etudes byzantines d'histoire économique et sociale. P., 1938; Hrohova V. Aspects sociaux et économiques de la décadence des villes byzantines à l'époque des Paléologues // Actes du XIV Congrès international byzantine. Bucarest, 1975. Vol. 2; Maksimović L. Charakter der sozial-wirtschaftlichen Struktur der Spätbyzantinischen Stadt // JöB. Wien, 1981. Bd. 31/1; Svoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paléologues // Actes de Lavra / Ed. A. Guillou, P. Lemerle, N. Svoronos, S. Cirlović. P., 1982. Vol. IV; Anttiadis-Bibicou H. Villages désertés au Grèce: Un bilan provisoire villages désertés et l'histoire économique, XV—XVIII siècles. P., 1965.*

⁴ В письме Димитрия Кидониса деспоту Мануилу Кантакузину, относящемся к 1391 г., говорится о вторжении варваров (турок) и нищете в городе. См.: *Démétrius Cydonès. Correspondance / Ed. R. J. Loenertz. Vatican, 1956. Vol. 1, N 58; Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391—1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, 1969. P. 88. Характерно в этом отношении письмо Димитрия Кидониса Мануилу Палеологу, относящееся, видимо, к 1383—1386 гг., периоду осады тур-*

непосредственно о голоде в городах, в том числе в Константинополе и Фессалонике, имеется множество сведений в произведениях византийских историков XIV—XV вв.: Никифора Григоры⁵, Георгия Пахимера⁶, Лаоника Халкокондила⁷, Дуки⁸. О нехватке зерна в Константинополе в 1394—1395 гг. сообщают малые хроники⁹.

Не в меньшей мере причиной разорения являлись, по мнению современников, внутренние смуты. Кантакузин пишет о пагубных последствиях гражданской войны. В данном случае акцентируется та идея общей богословской и политико-правовой доктрины, согласно которой порядок и мир в государстве соответствуют общему благу и общему космическому порядку, имеющему божественное происхождение.

Подобными сведениями изобилует византийская эпистолография: они имеются в письмах императора Мануила II Палеолога¹⁰, Димитрия Кидониса, константинопольского патриарха Афанасия¹¹. В источниках говорится о перманентной нехватке в городе продовольственных товаров: зерна, вина, оливкового масла, о росте цен. Димитрий Кидонис сообщает, что во время осады турками Фессалоники особенно пострадала торговая часть города¹².

Кантакузин повествует о таких последствиях гражданской войны, как «большое несчастье и сопровождающее его пролитие крови тысяч, обращение людей в рабство, конфискации имущества, тюрьмы и всеобщая погибель»¹³. Окончание гражданской войны, по мнению Кантакузина, благо. Он приписывает себе заслугу достижения мира, при этом в его произведении звучит призыв к миру и осуждение войн, следствием которых является разорение¹⁴.

ками Фессалоники. В нем красноречиво говорится о том, что и ранее в результате вражеских нападений в городе наступала нищета. При этом автор как бы в утешение добавляет, что город восстанавливал силы. См.: *Demetrius Cydonès*. Op. cit. Vol. 2, N 213; *Barker J. W.* Op. cit. P. 53.

⁵ По свидетельству Никифора Григоры, опустошение городов во Фракии привели к тому, что в течение двух лет нельзя было ни сеять, ни пахать. См.: *Nicephori Gregorae Byzantina historia*. Bonnæ, 1829. Vol. 1. P. 262.20—24; Ср.: *Ibid.* P. 229.1—3; По данным того же автора, Константинополь и многие города ромеев испытывали недостаток в зерне. Турки из Азии часто нападали в период созревания зерна, угоняли скот, поработали людей, земля оставалась необработанной. Это первая причина голода, вторая же заключалась в том, что по той же причине прекратился ежегодный подвоз зерна с Евксинского Понта (*Ibid.* Vol. 2. P. 683.5).

⁶ *Georgii Pachymeris De Michaelae et Andronico Paleologio Libri tredecim*. Bonnæ, 1835. Vol. II. 493 sq.

⁷ *Laonici Chalcocondylæ Historiarum demonstrationes* / Ed. E. Darkó. Budapestini, 1922. Vol. 1. P. 77.17—18; За время долгих лет осады города Константинополя османами многие жители, сообщает Халкокондил, покинули город и стали жертвой голода или попали к варварам.

⁸ *Ducas. Historia byzantina* / Ed. V. Grecu. Bucharest, 1958. P. 79.11—14; 85.6—9; 81.29—83.5. В Константинополе во время осады его османами был жестокий голод. Не хватало зерна, вина, масла. См.: *Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1977. T. 1, N 70. S. 184.

⁹ *Joannis Cantacuzeni Historiarum libri XIII*. Bonnæ, 1832. Vol. III. P. 8.1—3; 14—15: «τῶν κατὰ τὸν πόλεμον συμβεβηκότων δυσχερῶν».

¹⁰ Характерно изобилующее элементами риторики письмо Мануила Палеолога, адресованное Димитрию Кидонису и относящееся, видимо, к 1385—86 г.: «Τὴν κερὶ πενίας ρηθεΐαν τῷ Θεῷ καὶ γῶμην πολλῶν ἀκλήροια ἐπαδύουσιν». Ниже говорится о том, что в подобных тяжелых условиях рекомендуется принимать крайние меры, чтобы избежать нищеты. В соответствии с преданием целесообразно и скалы засеивать и бросать имеющееся зерно в песок и ожидать урожай пшеницы, как от жирной почвы. К этому принуждает время. См.: *Manuel Palaeologus. Correspondance // Lettres de l'empereur Manuel Paléologue* / Ed. E. Legrand. P., 1962. N 8. Ср. также: N 4, 5, 11, 13, 14, 16, 18, 19; *Dennis G. T.* The Letters of Manuel II Palaeologus. Wash.: Dumbarton Oaks, 1977; *Demetrius Cydonès*. Op. cit. Vol. I, N 58, 49, 50, 59, 229.

¹¹ *Maffry Talbot A. M.* The Correspondance of Athanasius Patriarch of Constantinople. Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial Family, and Officials, Washington // Dumbarton Oaks Texts. 1975. III.

¹² *Demetrius Cydonès*. Op. cit. Vol. I, N 213.

¹³ *Cantacuzeni Historiarum*. III. P. 21.11—13.

¹⁴ *Ibid.* P. 21.17—23; 22.1—2.

Нашествия османов приводили к постоянному перемещению населения. В письме Димитрия Кидониса рассказывается о ситуации, типичной, видимо, для этого времени, когда в момент обострения внешней опасности в Фессалонике резко сократилось население, тогда как в период успехов оно, наоборот, возрастало¹⁵. Об уходе жителей из Константинополя в период его осады османами сообщает и Халкокондил¹⁶.

По свидетельству Кантакузина, в результате гражданской войны в империи Ромеев опустели отдельные территории¹⁷. Впрочем, от более раннего времени известны явления противоположного характера. Иногда периоды обострения вражеских нашествий были связаны с перенаселением города, жители сельской округи искали спасение за городскими стенами. Так было, по данным одной из малых хроник, во время нападения османов на Константинополь еще в 1304 г.¹⁸

Нельзя не доверять всем этим свидетельствам, характеризующим экстремальные условия экономического существования городов середины XIV—начала XV в. К этому следует добавить такой фактор, как сокращение территории. При Иоанне VIII империи принадлежал только один крупный город — Константинополь. Участие многих греков в итальянской торговле, их роль в международной и транзитной торговле в Причерноморье, а в XIV в. и в Средиземноморье, бесспорно, отражали их личную активность и инициативу. Но все эти факты, взятые сами по себе, еще не позволяют оценить уровень экономического положения империи. Наряду с этим нельзя не заметить, что описания в византийской историографии и эпистолографии периодов вражеских нападений изобилуют рядом характеристик, позволяющих обнаружить общую фразеологию, постоянное обращение к примерам из античности. Сравнения из области торговой деятельности оказываются привычными для византийцев. Мануил II Палеолог в одном из писем вслед за платоновским диалогом «Федон» сообщает, что византийцы меняют страх за страх, как меняют монеты¹⁹. Поэтому сведения эпистолографии и историографии о различных проявлениях экономического кризиса, об уроне, который терпели в середине и особенно в конце XIV и начале XV в. города, и главным образом их торгово-ремесленные районы, отражают лишь общую картину экономической нестабильности.

Эти сведения не могут рассматриваться только как результат непосредственного наблюдения византийцев над окружающей жизнью и потому не позволяют реконструировать изучаемое явление во всей его полноте. В то же время приведенная информация отражает понимание византийцами современной им экономической обстановки. Характерно, что это понимание в соответствии с культурным контекстом эпохи облекалось в форму традиционных представлений, в которых индивидуальность подхода к проблеме и особенности самой эпохи угадывались в той акцентировке, которой сопровождалась интерпретация этих представлений. Выявить же истинное положение в городах, и прежде всего в Константинополе и Фессалонике, помогает детальное сопоставление сведений актового материала. Именно они позволяют не только обнаружить особенности менталитета эпохи и отношение правящих византийских кругов к экономической обстановке в империи, но и реконструировать реальные факты, отражающие саму экономическую действительность.

Вопрос, очевидно, в том, существовала ли в поздней Византии в условиях постоянного сокращения территории государства и потери городов развивающаяся и устойчивая тенденция к натурализации экономики? Если бы она не только проявлялась, но и доминировала, то, видимо, можно

¹⁵ *Démétrius Cydonès*. Op. cit. Vol. I, N 150, 324; *Dennis G. T.* The Reign of Manuel II Paleologus in Thessalonica, 1382—1387. Romae, 1960. P. 97—98; *Barker J. W.* Op. cit. P. 54, N 147.

¹⁶ *Chalcocondylae*. Op. cit. P. 77.17—18.

¹⁷ *Cantacuzeni Historiarum*. P. 33.10—15.

¹⁸ *Schreiner P.* Op. cit. T. 2. S. 217.

¹⁹ *Manuel Palaeologus*. Op. cit. N 14; *Barker J. W.* Op. cit. P. 89, N 8.

было бы констатировать не только изменение экономических функций города, но и экономической структуры Византии в целом ²⁰.

Упадок же, связанный только с войнами и последующим разорением, — это упадок иного рода. Такой упадок мог быть временным, он всегда вызывал ослабление или даже прекращение торговли. Однако, в какой мере он оказывался длительным и приводил ли к изменению экономической структуры, зависело всегда от соотношения многих внутренних факторов развития. Сопоставление многочисленных актовых материалов показывает, что действительно в поздней Византии, с одной стороны, имелась тенденция к натурализации экономической жизни и, следовательно, к сокращению объема торговли, но, с другой стороны, она не была единственной, а сочеталась с противоположной тенденцией, а именно с развитием византийской торговли, включенной в общую торговлю Средиземноморья. Обе тенденции были связаны с экономической политикой государства.

Тенденция к натурализации экономики проявилась, в частности, как сообщает Пахимер, во введении при Андронике II натуральной подати ситокритон ²¹. О порядке взимания ситокритона имеются сведения в двух недавно опубликованных практиках 1321 г., содержащих опись проиарских владений в феме Фессалоники ²². Там же говорится о взимании в натуре налога на вино — инометрия: ἐφ' ἐνὶ ὑπερπύρῳ οἴνου ἐχχωρίου μέτρον ἔν» ²³. Выражение ἐχχωρίος означает, по-видимому, местных производителей вина.

В орисмосе деспота Димитрия Палеолога от 1430 г. упоминается натуральная подать икомодий в размере 8 модиев зерна, который агенты фиска должны с определенных владений передать монастырю Дионисия ²⁴. Широко известна натуральная подать каниский, упоминаемая во многих источниках.

О значительной роли, которую играла натуральная экономика, свидетельствуют многочисленные факты пожалования монастырям по распоряжению императора продовольствия из урожая государственных имений ²⁵.

Философ-гуманист XV в. Георгий Гемист Плифон предлагал, как известно, ввести в Пелопоннесе натуральные подати ²⁶. В начале XV в. в Византии получает распространение десятина урожая ²⁷. Некоторые афонские акты этого же периода сообщают сведения о существовании подати коккиатиконе, представлявшей собой предположительно поставки зерна для снабжения моряков ²⁸. От них не были освобождены даже паричские зевгари Лавры св. Афанасия ²⁹. Но от этого же времени известны и факты коммутации барщины ³⁰. Продолжало существовать множество взимаемых в деньгах налогов.

²⁰ В литературе отмечался факт практического исчезновения слоя средних (μέσοι) в византийских городах. См.: *Oikonomidès N. Hommes d'affaires grecs et latins en Constantinople (XIII—XV) siècles*. Montréal, 1979. P. 124—122.

²¹ *Georgii Pachymeris*. II. P. 493.9.

²² *Actes de Xénophon* / Ed. D. Papachrissanthou. P., 1986. N 15. P. 140.29; N 16. P. 144.29.

²³ *Ibid.* N 15. P. 140.30; N 16. P. 144.30.

²⁴ *Actes de Dionysiou* / Ed. N. Oikonomidès. P., 1968. N 26. P. 155.14—16; Not. P. 153—154.

²⁵ *Ibid.* N 6. P. 63.10—12; N 10. P. 84.12—13; N 22. P. 27; *Actes de Lavra*, III, N 165.

²⁶ *Georgii Gemisti Plethonis Ad Regem Emanuelem de rebus Peloponnesiacis (Oratio Prior)*; *Idem. Principem Theodorum de rebus Peloponnesiacis (Oratio Posterior)* // PG. 160. Col. 852c; Ср.: *Медведев И. И. Византийский гуманизм XIV—XV вв. М., 1976. С. 149 и след.*

²⁷ *Actes de Lavra*. III. N 155.

²⁸ *Actes de Lavra*. III. N 161. P. 158.37; P. 156. Not.; N 162. P. 163.24; N 163. P. 168.23; *Oikonomidès N. Le haradj dans l'Empire byzantin du XV siècle* // *Congrès International des Études Balkaniques et Sud-Est Européennes*. Sofia, 1969. T. 3. P. 686, N 22; *Ђурић И. Указ. соч. С. 238, примеч. 201.*

²⁹ *Actes de Lavra*. III, N 161. P. 158.37; N 162. P. 168.24.

³⁰ Согласно практике апографевсов, содержащему передаче монастырю Лавры св. Афанасия в 1420 г. ряда владений в районе Рентины, парики не исполняли барщину, а платили денежные взносы: зевгараты — 4 номисмы, воидаты — 3,5; имеющие ко-

В XV в., как свидетельствует простагма Мануила II Палеолога от 1405 г., предоставляющая ряд податных привилегий владениям Лавры св. Афанасия на Лемносе, даже крупные монастыри, пользующиеся податным иммунитетом, не имели гарантированного освобождения от поставок зерна в Константинополь в размере 2 модиев с зевгаря по твердой цене 4 перпера за модий³¹. По данным актового материала того же монастыря, ситокритон, по-видимому, также мог взиматься в деньгах³². Все эти факты говорят о поощрении со стороны государства развития денежной экономики и, следовательно, торговли.

Однако встает вопрос, каково соотношение внутренней и внешней торговли в Византии XIII—XV вв. Известны те льготы, которые имели во внутренней торговле итальянцы. Торговая пошлина коммерчий, уплачиваемая за право привоза товаров, составляла в середине XIV в. для ромеев 10 % цены транспорта, а для итальянцев от 1 до 4 %³³. Лишь при Иоанне VI Кантакузине были снижены размеры коммеркия для ромеев³⁴. Но уравнение в этом отношении прав византийцев и итальянцев оказалось кратковременным.

Однако было бы ошибочно представлять положение вещей таковым, будто торговая деятельность византийских подданных, в том числе их внутренняя торговля, связанная с экономическим развитием империи, внутренним производством, отражающая товарообмен как результат этого производства, развивалась лишь спонтанно и не поощрялась государством. Дело только в том, что эти поощрения и политика привилегий были адресованы совершенно определенным социальным слоям.

Политика привилегий почти не распространялась на слой византийских городских торговцев, относящихся к разряду так называемых средних (и этот слой постепенно исчезает), но имела своим объектом крупных собственников. Именно они монополизировали в XIV—XV вв. в империи внутреннюю торговлю. Среди этих привилегированных собственников особая роль принадлежала крупным монастырям. Это обстоятельство как бы выпадает из поля зрения некоторых исследователей, которые акцентируют внимание на анализе поощрительных мер, византийских властей по отношению к итальянцам, занимавшим командные высоты в транзитной и посреднической торговле, но, видимо, не придают должного значения политике предоставления торговых привилегий крупным монастырям, лидирующим в торговле внутренней. Сведения о соответствующих льготах неизменно присутствуют в перечне иммунитетных пожалований крупным монастырям. Такие монастыри, в частности Лавра св. Афанасия, полностью освобождались от всех торговых пошлин, в том числе от коммеркия, а также от скалиатикия, антинаулона, лимниатикия, линоброхия³⁵.

Известно, что крупные монастыри вели активную внутреннюю, как, впрочем, и внешнюю, торговлю, имели в составе своих владений рыночные места³⁶, владели собственными кораблями, на которых перевозили

ров — 3 и вдовы уплачивали 1 номисму. См.: Actes de Lavra, III, N 165. P. 174.37—38.

³¹ Actes de Lavra, III, N 157. P. 142.15—16; *Matschke K. P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981. S. 134, Anm. 521.

³² Actes de Lavra, II, N 89. P. 75. 168: ὑπερπύρω, σιτοκρίθου Ср.: Ibid. III, N 118. P. 7.194. Actes de Xeropotamou / Ed. I. Bompaire. P., 1964. P. 151; Однако икономидий взыскивался в натуре. См.: *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika aus den Athosklöster Iberou // Abhandl. der Bayer. Akad. der Wiss.: Philol.-hist. Klasse. NF. München, 1949. H. 28. S. 106.338—340; *Bompaire I.* Sur trois terms de fiscalité byzantine // BCH, 1956. Vol. 80; Actes de Dionysiou. P. 153—154.

³³ *Antoniadis-Bibicou H.* Recherches sur les douanes à Byzance. P., 1963. P. 97.

³⁴ Ibid. P. 102; *Cantacuzeni Historiarum*. P. 80—81; *Maksimović L.* Op. cit. S. 167.

³⁵ Actes de Lavra, II N 89. P. 75.194—195; N 104. P. 170—169; III, N 118. P. 7.234.

³⁶ Actes de Lavra, II, N 104. P. 170.169; III, N 161. P. 154; Ibid. II, N 109. P. 275.948; *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika. S. 41.158. Среди владений Ивирского монастыря в феме Фессалоники в катепанияки Акрос и в поселении Иериссо упоминается метод монастыря св. Иоанна Продрома и принадлежавший ему панагир (яр-

грузы. Монастыри продавали и покупали зерно как местного производства, так и привозное, покупали землю, за которую платили как деньгами, так и скотом. Последнее представляет собой лишнее свидетельство распространения в рассматриваемый период в Византии наряду с денежным и натуральным товарообменом. Монастырские проастии хотя и носили в основном аграрный характер и являлись такими же фискальными общинами, как и другие поселения, но в них располагались и ремесленные мастерские³⁷. Монастыри имели и многочисленные мастерские в городах: ремесленные и связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции³⁸.

Однако, говоря о той важной роли, которую монастыри играли во внутренней торговле, необходимо отметить то обстоятельство, что особенности общей экономической ситуации в стране, те экстремальные условия, о которых речь шла выше, не могли не отразиться на характере и размахе торговой деятельности монастырей. Об этом красноречиво свидетельствует документ из архива Лавры.

Речь идет о хрисовуле Иоанна V Палеолога от 1342 г., содержащем подтверждение собственности монастыря Лавры на владения в Константинополе, пожалованные Нифонтом — духовным отцом императора. Среди этих владений много домов, мастерская для производства шелковых тканей, овощные лавки, превращенные в парфюмерные, и магазины для продажи привозных товаров. Далее еще три дома, также переоборудованные в парфюмерные магазины, при одном из которых имелся пирг — крепость. Относительно всех этих торговых и хозяйственных объектов говорится, что они были куплены Нифонтом у горожан разного социального статуса. Кроме того, один из приобретенных домов был отдан под лавку для продажи хлеба, два других использовались как гостиницы. Упоминаются также две лавки, принадлежавшие ранее менялам, и скобяная лавка. Доход от этих владений и арендная плата достигала 700 перперов. Нифонт, кроме того, восстановил больницу Лавры на Афоне, посадил виноградники и оливковые деревья, доход от которых поступал на пропитание больных. В документе упоминаются и другие купленные у горожан дома и мастерские, доход от которых составляет 200 перперов, 100 перперов должны расходоваться на покупку сахара и других дефицитных продуктов, которые доставляются в Лавру для прокормления монахов, находящихся в больнице, остальные 100 в сумме с названными 700 перперами предназначаются для покупки для Лавры хлеба здесь или в другом месте³⁹.

Очевидно, рассмотренный документ отражает переходный характер монастырской торгово-ремесленной деятельности, те изменения, которые произошли в ней ко времени, зафиксированному в нем. Мы видим, что наряду с магазинами, предназначенными для продажи хлеба и овощей, ряд домов приспособлен для продажи импортных товаров. Иначе говоря, торговая деятельность монастыря связана как с местным производством, так и с посреднической торговлей. Более того, документ отражает тенденции к усилению роли последней. Магазины, которые ранее являлись овощными, превращены в парфюмерные, т. е. их деятельность теперь ориентирована на внешнюю торговлю. Но и связи с внутренним производством, хотя и сокращаются, не исчезают.

В этой связи представляют существенный интерес упоминания источников о переселении монастырских париков из сельских местностей в города, в частности в Фессалонику. Это были легальные переселения. Парики по-

---

марка). См.: *Поляковская М. А.* К вопросу о характере городской и пригородской собственности в поздней Византии // АДСВ. Свердловск, 1966. Т. 4; *Maksimović L.* Op. cit. S. 178 ff.

³⁷ Так, в принадлежавшем Лавре проастии τὸν Γουρῶν — пригороде Фессалоники, который, согласно другим актам, именуется хорионом, наряду с хорафиями и виноградниками имелись водяные мельницы и мастерские. См.: *Actes de Lavra*, II, N 17. P. 10.67.

³⁸ Согласно акту 1432 г., монастырь Лавры сдает в аренду мастерскую по выработке льняного масла. См.: *Actes de Lavra*, III, N 168. P. 184—185.

³⁹ *Ibid.* N 123. P. 25—26.

прежнему как налогоплательщики числились по своему старому месту жительства, но фактически жили в городе, где их пребывание было, видимо, связано с торгово-ремесленной деятельностью, сохранившей связь с производством. В частности, среди переселенцев упоминается сын мясника или посредника в торговле мясом ⁴⁰.

Строго, говоря, судить о наличии тенденции к возрастанию роли посреднической торговли можно лишь в гипотетическом плане, а именно учитывая общую ситуацию в стране. В то же время отсутствие статистических данных и единичность соответствующих сведений не позволяют четко определить социальную роль этой тенденции. Наряду с этим известны и данные иного характера.

Недавно опубликованный акт митрополита Фессалоники от 1419 г. из архива монастыря Ксенофонта ⁴¹ свидетельствует о том, что пять магазинов по продаже привозных товаров, принадлежавших в Фессалонике монастырю, были превращены в винные магазины. Это осуществил некий Дадас, который арендовал их. Конфликт произошел из-за низкой арендной платы, которую платили монастырю арендаторы — сыновья покойного Дадаса. Им было предписано вернуть магазины монастырю или платить более высокую аренду. Этот документ интересен с разных точек зрения. Он, так же как известный акт об аренде Аргиропулов ⁴², свидетельствует о наличии в Византии элементов предпринимательства. Что же касается менталитета эпохи, то и для него дух предпринимательства не остается полностью чуждым. Высокий доход арендаторов осуждается не сам по себе, а при условии, что они платят монастырю низкую плату. Единичность свидетельств не позволяет, однако, определить социальную роль и этой тенденции.

Оценивая в совокупности оба названных интересных документа, можно с определенностью констатировать лишь нестабильность экономики города, которая была столь же характерна, как и в деревне, и выражалась в постоянных изменениях торгово-экономической конъюнктуры, требуя ускоренных темпов товарооборота. Это последнее, в свою очередь, усиливало нестабильность. Торговля меняла свою ориентацию в зависимости от требований общей обстановки. Этот факт сам по себе свидетельствует об ослаблении связей торговли с производством — явление, которое не может быть расценено иначе, как симптом кризиса. Другое дело, что мы не знаем масштабов этого кризиса и динамики его развития.

С точки зрения анализа тенденций изменения экономической структуры Константинополя рассмотренный хрисовул Иоанна V Палеолога важен в другом отношении. Характерно, что все упоминаемые в нем хозяйственно-торговые объекты и лавки менял были куплены Нифонтом у горожан, а затем пожалованы Лавре. Происходила, таким образом, своеобразная концентрация в руках монастыря производства и торговых функций. Косвенным образом рассматриваемый документ, очевидно, отражает начало завершившегося в XV в. процесса исчезновения в Константинополе так называемых «средних», которые продавали свое имущество монастырям. Участие последних в торговле, как видно, было двояким. Имея освобожденные от торговых податей, они свободно продавали сельскохозяйственные и ремесленные товары на местных и городских рынках. Но одновременно в тяжелые периоды обострения внешней опасности сами вынуждены были покупать хлеб, овощи, сахар. Об этом красноречиво свидетельствует и другой документ из архива Лавры: соглашение между знатным фессалоникийцем Алексеем Комнином Масгидой и Лаврой от 1347 г. Представители Лавры купили у семейства Масгидов зерно и остались должны 400 перперов. В результате соглашения (подтверждаемого императорским

⁴⁰ Ibid. II, N 109. P. 234, 225.

⁴¹ Actes de Xénophon. N 32.

⁴² Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии. М., 1968. С. 259.

документом) с монастырем наследников тех, кто совершил продажу, долг монастыря был уменьшен до 40 перперов⁴³.

Требование ускоренного товарооборота, диктуемое краткосрочной и неустойчивой политической и экономической конъюнктурой, способствовало утечке капиталов в сферу ростовщичества. Известен расцвет ростовщической деятельности, в которой принимали участие и представители знати, и монастыри. Все это свидетельствует, что производство и в крупных городах носило явные черты кризисной ситуации. Масштабы ее были, естественно, различными и, видимо, прогрессировали, но из-за отсутствия статистических данных не представляется возможным их реконструировать. Однако следует признать, что общая фразеология, содержащаяся в письмах византийцев и в преамбулах актов, несмотря на свою риторичность и античные аллюзии, верно отражала общую экономическую ситуацию эпохи.

Политика предоставления торгово-экономических льгот и привилегий осуществлялась государством по отношению не только к крупным монастырям, но и к представителям высшего чиновничества. Одним из ее проявлений было пожалование отдельным лицам права на преимущественное приобретение продовольственных товаров в определенной местности. Например, Иоанн V Палеолог пожаловал хранителю государственной печати Сергоцулу остров Мармара с правом управлять им и владеть, а также монополию на приобретение сельскохозяйственных товаров⁴⁴. Государство, таким образом, старалось поддержать определенные социальные слои: крупные монастыри, высших государственных чиновников, представителей знати — в их конкурентной борьбе с горожанами и иностранцами за участие во внутренней торговле, за получение денег и товаров.

Для поддержания экономического положения монастырей, им, как уже отмечалось, нередко предоставлялись со стороны государства дотации в виде значительных денежных сумм, а также продовольствия. Об этом свидетельствует хрисовул Иоанна V Палеолога Лавре от 1407 г.⁴⁵, а также хрисовул Стефана Душана от 1347 г.⁴⁶, которым Душан жалует Лавренту в 300 перперов или унгию. Побудительным мотивом к осуществлению подобных мероприятий являлись обесценивание монеты и чрезвычайный рост цен. Особенно тяжелым положение стало в XV в. По свидетельству византийского историка Дуки, модий зерна стоил 20 номисм⁴⁷, тогда как в XIV в. соответствующая цена колебалась вокруг одной номисмы, что превосходило примерно в два раза цену за модий зерна в X в.

Возникает вопрос о том, с какой же целью в тяжелых экономических условиях обесценивания монеты и роста цен государство предпринимало некоторые шаги, способствовавшие активизации внутренней торговли и денежной экономики? Не целесообразнее ли было всецело придерживаться той политики, которую, в частности, рекомендовал Плифон, т. е. политики поощрения натурализации экономической жизни и налоговой системы, которая проводилась лишь в ограниченных масштабах, сочетаясь с мерами поощрения товарно-денежных отношений?

⁴³ Actes de Lavra. III, N 145. P. 99.5. Об участии византийской аристократии в конце XIV—начале XV в. во внутренней и внешней торговле см.: *Oikonomides N. Hommes d'affaires grecs et latins en Constantinople*. P. 86, 89; *Карпов С. П.* Особенности развития поздневизантийского города эмпория // *ВО. М.*, 1977. С. 79.

⁴⁴ *Magdalino P.* An Unpublished Pronoia Grant of the second half of the Fourteenth Century // *ЗРВИ*. 1978. Т. 18. P. 157.14—17.

⁴⁵ Actes de Lavra. III, N 157.

⁴⁶ *Ibid.* N 128. Из соляных копий Фессалоники церкви св. Павла, принадлежавшей монастырю Дидонисия, платили ежегодно 100 аспр. См.: Actes de Dionysiou. N 14. P. 95.1—2.

⁴⁷ *Ducas.* P. 85.6—9. Во время осады Константинополя турками в 1394/95 гг. цена составляла до 100 аспр. См.: *Schreiner P.* Op. cit. Т. 1, N 170. И ранее в периоды военных действий цены на зерно резко возрастали. Григора сообщает, что во время войны против Галаты в 1348/49 гг. цены удвоились. См.: *Nicephori Gregorae*. III. P. 92.16—18; *Максимовић Љ*. Византијска провинцијска управа у доба Палеолога. Београд, 1977. С. 151.

Перейти преимущественно на рельсы натуральной экономики не представилось возможным, так как в период обострения внешней опасности государство особенно остро нуждалось в деньгах⁴⁸. Во-первых, Византия платила дань османам и подати итальянцам; во-вторых, она содержала наемное войско и тратила огромные суммы на покупку продовольствия. О том, что именно внешняя обстановка являлась одной из основных побудительных причин поощрения внутренней торговли и денежной экономики, содержатся свидетельства в одном из писем Димитрия Кидониса. Он сообщает, что государству предстоят такие платежи, для уплаты которых необходимо, чтобы и на самых бедных были возложены подати в деньгах⁴⁹. В этом же письме Димитрия Кидониса мы находим свидетельство о тех бедствиях, к которым приводила торговля в условиях роста цен. Торговцы скупали товары по низким ценам в чужих странах и продавали по высоким у себя на родине⁵⁰.

Кантакузин сообщает, что в результате гражданской войны в империи было мало войска и денег⁵¹. Он предлагает увеличить поборы. Земледельцам, торговцам и ремесленникам следует содержать воинов. Если они не захотят этого делать, то тем самым погубят и самих себя⁵². Характерно, что Кантакузин, опиравшийся на крупную аристократию, предлагает решить проблему содержания войска за счет непривилегированного населения. По-прежнему позднее отнесся к этому вопросу Мануил II Палеолог. Он решительно вступил на путь превращения монастырских земель в государственные, что, по-видимому, означало прежде всего отмену податных привилегий монастырей. Последнее влекло за собой, как правило, и потерю со стороны монастыря прав собственности на соответствующие владения.

Поощрение внутренней торговли являлось в XIV—XV вв. одним из средств снабжения хлебом Константинополя. Особая роль в решении этой проблемы, важность которой все время возрастала, как известно, принадлежала итальянцам. Но в новейших исследованиях показано, что эта роль не была исключительной до 40-х годов XIV в.⁵³ Однако актовый материал содержит убедительные данные о наличии частично контролируемого государством внутреннего рынка и в XV в. Торговая политика государства состояла не только в раздаче налоговых привилегий, в регулировании торговых пошлин и в создании монопольных прав на приобретение товаров, но и — что очень важно — в поддержании твердых цен на константинопольском рынке⁵⁴. Об этом свидетельствует вышеупомянутая прагма Мануила II Палеолога от 1405 г., жалующая привилегии владениям Лавры на Лемносе. Владения получают податной иммунитет, однако говорится, что хотя в данный момент *δουλικά ζευγάρια* монастыря

⁴⁸ Ostrogorsky G. Byzance, état tributaire de l'empire turc // ЗРВИ. 1958.5. *Oikonomidès N. Le Haradj dans l'Empire byzantin du XV siècle; һурһ И.* Указ. соч. С. 16, примеч. 7; С. 51, примеч. 101. Крупный долг венецианцам со стороны Иоанна V Палеолога зафиксирован в документах 1370 г., относящихся к переговорам о возобновлении пятилетнего византийско-венецианского договора. См.: Thiriet F. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise Concernant la Roumanie.* P., 1958. Vol. 1. N 480, 482, 483; Barker J. Op. cit. P. 11; тяжелое финансовое положение Византии в 90-х годах XIV в., в период осады Константинополя турками, проявилось, в частности, в попытке Мануила II продать венецианцам остров Лемнос (Ibid. P. 124—125; P. 131, note 15). В конце 1394 г. венецианцы посылают в город 1500 модиев зерна (Ibid. P. 132). В 1396 г. мать Мануила II, императрица Елена, санкционировала продажу острова Коринф госпитальерам (Ibid. P. 146). О нехватке денег у населения пишет Дука. См.: Ducas. P. 85.

⁴⁹ *Démétrius Cydonès.* Op. cit. I, N 61.

⁵⁰ Констатированная исследователями стабильность цен на средиземноморском рынке (см.: *Laiou-Thomadakis A. E.* Op. cit. P. 181) была относительной, сочетаясь с неизбежными вариациями в разных торговых пунктах, связанными с влиянием неэкономических факторов.

⁵¹ *Cantakuzeni Historiarum.* III. P. 36.18—20.

⁵² Ibid. P. 40.

⁵³ Литературу вопроса см.: *Карнов С. П.* [Рецензия] *Laiou-Thomadakis A. E. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System.* . . С. 249—251.

⁵⁴ *Matschke K. P.* Op. cit. S. 134, Anm. 521.

освобождаются от обычных (τοῦ συνήθους) поставок в размере двух модиев зерна с зевгаря по продажной цене 4 перпера за модий, но если случится нужда и возникнут тяжелые обстоятельства в Константинополе, то и с названных зевгарей будет взиматься зерно, поскольку помощь Константинополю — обязанность всех⁵⁵.

Снабжение Константинополя выдвигается в этот период в ранг первоочередных экономических задач. Для ее решения используются многие средства. Известно, что в XV в. запрещался вывоз хлеба из Константинополя⁵⁶. Кроме того, проводилась определенная торговая политика, которая, кстати, имела давние традиции. Еще в VIII в. в целях снабжения зерном Константинополя осуществлялись принудительная продажа его по заниженным ценам. Известно, что и сами горожане занимались сельским хозяйством⁵⁷.

Характерная черта этого периода, ярко отражающая экстремальные условия существования, проявлялась также в чрезвычайной подвижности земельного фонда. Земля становится постоянным объектом торговли. Не только крестьяне, но и крупная светская знать, нуждаясь в деньгах, продавала свои имения. Известны данные о продаже Дохиарскому монастырю крупных земельных владений по цене в 2000 перперов великим помещиком Димитрием Палеологом. В документе, оформляющем продажу, говорится, что владение оказалось полностью разоренным во время завоевания сербов⁵⁸. Земля перестала быть фактором, олицетворяющим устойчивость и длительность отношений.

Экономические, равно как и политические, воззрения византийцев в данную эпоху, интерпретация ими идей, восходящих к патристике и античности, становятся более прагматистскими, что и составляет характерную черту менталитета эпохи. Бедность воспринимается как реальное бедствие. Интерпретация евангельских текстов, при которой акцентировалось отрицательное отношение к неправедно нажитому богатству, которая неоднократно имела место в Византии и служила целям экономической политики и идеологической борьбы, конечно, не исчезает (например, трактат Алексея Макремволита), но все большую роль играют, как уже отмечалось, нашедшие в письмах представления, в которых доминируют античные аллюзии и пропагандируется стойкость перед лишениями (ссылка на Феогнида у Мануила Палеолога). Распространяется и чисто житейский страх перед нищетой, являющийся образцом наиболее адекватного отражения реальной обстановки в сознании современников.

Итак, из двух противоборствующих тенденций, определявших экономическое развитие Византии рассматриваемого периода, а именно тенденции к натурализации хозяйства, с одной стороны, и к развитию денежной экономики — с другой, преобладала последняя. Но это преобладание в значительной степени было связано с инициативой государства, использующего такие традиционные методы экономической и торговой политики в Византии, как система торговых и налоговых привилегий, создание монополий, денежное налогообложение и т. д.

Связь внутренней торговли с экономикой страны в условиях постоянного сокращения территории и нападения османов, естественно, была ослабленной, и наблюдалась тенденция к дальнейшему ее ослаблению. Внутренняя торговля, в частности монастырская, приобретала в значительной мере посреднический характер, определяемый состоянием импорта.

⁵⁵ Actes de Lavra, III, N 157. P. 142.15—20.

⁵⁶ ММ III. P. 146, 156, 166, 179. Ср.: *Зурић И.* Указ. соч. С. 206. О снабжении хлебом Константинополя см. также: *Шитиков М. М.* Торговля продовольствием в Константинополе и его окрестностях в первой половине XV в. // АДСВ. 1972. 8. С. 101 и след.; *Matschke K. P.* Op. cit. S. 142; *Idem.* Fortschritt und Reaction in Byzanz im 14. Jahrhundert: Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. В., 1971; *Laiou-Thomadakis A. E.* Op. cit. P. 193; *Oikonomidès N.* Hommes d'affaires. . .

⁵⁷ Григора, например, сообщал о жителях столицы, которые находились за городом для молотбы и уборки урожая. См.: *Nicephori Gregorae.* I. P. 83.15—18.

⁵⁸ Actes de Docheiariou. N 42. Аристократы занимались торговлей, ростовщичеством. См.: *Oikonomides N.* Hommes d'affaires. . . P. 121—122.

В то же время в XV в. функционировал сугубо внутренний рынок: в Константинополе по твердым ценам продавалось зерно с Лемноса. Крестьяне, платившие государственные подати, являлись основным действующим лицом на внутреннем местном рынке (панагиры). Они же, как свидетельствуют факты переселения зависимых крестьян из деревни в город, принимали участие в экономической и торговой жизни города.

В тяжелый для империи период торговля играла двойную роль. Она, с одной стороны, удовлетворяла, хотя бы частично, запросы населения в товарах и деньгах, но, с другой стороны, способствовала его дальнейшему разорению. Это обстоятельство не ускользнуло, как мы старались показать, от внимания современников. По-видимому, именно наблюдения над реальной действительностью, учет той роли, которую приобрела торговля в экстремальных условиях страны, явились одной из причин предложенной Плифона по введению натуральных податей.

Монастыри, несмотря на временные осложнения, оказывались, очевидно, в целом в лучшем положении. Именно они, а не проиары, обладая мощными укреплениями, могли иногда защитить население от разорения и создавали условия для относительных гарантий экономической деятельности.

В целом развитие внутренней торговли в Византии в условиях постоянного сужения государственной территории и нападения врагов — явление своеобразное, отражающее характерные черты византийского общественного и политического развития с его доминированием государственной власти, обладающей значительными экономическими прерогативами и способной поддерживать торговую деятельность определенных слоев населения в условиях крайней нестабильности внутренней жизни.

Тенденция к утрате связи торговли с внутренним производством — несомненный симптом экономического кризиса, неизбежного в экстремальных условиях Византии XIV—XV вв.

Однако эти симптомы еще не означают упадка таких городов, как Константинополь и Фессалоника, которым внешняя и транзитная торговля придавали внешний блеск и черты временного благосостояния. В условиях Византии следует различать упадок местного ремесла, внутренней торговли, сокращение населения, с одной стороны, и успехи внешней и транзитной торговли, не связанной с экономикой страны, порой пагубно на нее влияющей, но удовлетворяющей временную необходимость в товарах и денежных средствах и создающей специфический облик всей городской экономики империи.